

**А. С. Быстрова,
М. В. Сильвестрос**

Коррупция в современной России:
социальное явление, инструмент
политики, социальная проблема?..
(основные понятия,
исследовательские подходы)

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/bystrova,_silvestros.pdf

Перепечатка с сайта центра «Стратегия»
<http://strategy-spb.ru>

А. С. Быстрова, М. В. Сильвестрос

Коррупция в современной России: социальное явление, инструмент политики, социальная проблема?.. (основные понятия, исследовательские подходы)

Разнообразные формы человеческого поведения, объединяемые понятием “коррупция”, известны человечеству давно. Многие из них воспринимаются как неотъемлемая часть повседневной жизни в различных странах мира. Однако, как социальное явление она осознана лишь в последние три – четыре десятилетия. Прошедшее десятилетие отмечено взрывом интереса к коррупции.¹ Единодушие относительно природы коррупции, ее причин и последствий, а также антикоррупционных мер – достаточно редкое явление. Чаше вокруг коррупции кипят споры. Дело, видимо, не только в самом предмете, но и в том, что коррупция и причастные к ней действующие лица окутаны тайной.

---

¹ Gorta, Angela. Minimising corruption: Applying lessons from the crime prevention literature // Crime, Law and Social Change. 1998. Vol. 30, №.1. P. 67-87. P. 67.

Внимание исследователей к коррупции (в аналитическом смысле) стимулировалось скорее общественным интересом к реформам, их подготовке и проведению, нежели к самому предмету.² Действительно, периоды реформ отличает повышенный общественный интерес к коррупции. В такие периоды появляется множество публикаций с результатами журналистских расследований, доставляющих богатый материал обществоведам. В то же время интерес может возникать и изнутри социальных наук, когда коррупция оказывается в поле зрения ученых как сопутствующее социальное явление либо как атрибут основного предмета исследования.

Определения. В центре нашего внимания – политическая коррупция. Как отмечают исследователи, понятие “коррупция” применительно к политике употреблял еще Аристотель, определяя тиранию как коррумпированную (неправильную, “испорченную”) форму монархии.³ Правоведы считают, что в Римском праве термин “коррупция” появился путем сочетания латинских слов “correi” – несколько участников в одной из сторон обязательственного отношения по поводу единственного предмета и “gimpege” – ломать, повреждать, нарушать, отменять.⁴ Из этих двух слов образовался самостоятельный термин “соггипреге”, который предполагает участие в деятельности нескольких (не менее двух) лиц, целью которых является “порча”, “повреждение” нормального хода судебного процесса или процесса управления делами общества”.⁵ Н. Маккиавелли определял коррупцию как использование публичных возможностей в частных интересах.

Одно из наиболее коротких определений принадлежит Джозефу Сентурия (Joseph J. Senturia): злоупотребление публичной властью ради частной выгоды. При этом, подчеркивает автор статьи о коррупции изданного в Германии словаря, остается открытым, относится ли это деяние к разряду законных или противозаконных, задевает ли оно общественное мнение, подрывая чувство справедливости, или имеет измеримые последствия (ориентация на общее благо или, напротив,

---

² Eric L. McKittrick. The Study of Corruption // Sociology and History: Methods / Ed/ by Seymour Martin Lipset and Richard Hofstadter. New York, London: Basic Books, Inc., Publishers, 1968. P. 358-370. P. 358.

³ Шабалин В.А. Политика и преступность // Государство и право. 1994. № 4. С. 46.

⁴ Колодкин Л.М. Коррупция и деонтологические меры борьбы с продажностью (“Бусидо” в Японии) / Коррупция в России: состояние и проблемы: материалы научно-практической конференции (26 - 27 марта 1996 года). Вып.2. М.: Московский институт МВД РФ, 1996. С.97.

⁵ Там же.

ущерб общественному благосостоянию), имеет ли нематериальный результат (утрата доверия).⁶

Немного истории. Российские источники упоминают мздоимство еще в XIII веке. Начиная с Ивана III, имеют место попытки законодательного ограничения коррупции. Первой попыткой можно считать Белозерскую уставную грамоту, которая впервые установила твердые “кормы” для наместников и их аппарата. Последний теперь был ограничен по численности (два тиуна и два доводчика).⁷ Появилось также право у местного населения предъявлять иск к наместникам, тиунам и доводчикам. Кроме того, установлено было обязательное участие в суде сотских и “добрых людей” и без этих представителей местного населения не мог состояться суд.⁸ В Судебнике великого князя Ивана Васильевича, дошедшем до нас в виде единственного списка, впервые были официально запрещены взятки - “посулы”, а также впервые зафиксирован размер судебных пошлин - шесть процентов боярину, четыре процента дьяку.⁹

Хотя взяточничество вызывало недовольство населения, массовых выступлений и протестов именно по этому поводу практически не было. Известен всего один такой эпизод. Ко времени царя Алексея Михайловича относится антикоррупционный бунт 1648 года в Москве, когда народу были выданы наиболее запятнавшие себя коррупционеры - судья Земского приказа Леонтий Плещеев и заведовавший Пушкарским приказом Петр Траханиотов.¹⁰

В дальнейшем, наличие коррупции многократно констатировалось властями, ими делались многочисленные попытки если и не уничтожить, то хотя бы уменьшить коррупцию. Об этом свидетельствуют

---

⁶ Wewer, Gottrik. Politische Korruption // Politic-Lexicon/ Herausgegeben von Everhard Holtmann unter Mitarbeit von Heinz Ulrich Brinkmann und Heinrich Pehle Zweite, überarbeitete und erweiterte Auflage München; Wein: R. Oldenbourg Verlag, 1994. S. 481.

⁷ Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. Новосибирск: Наука: Сибирское отделение, 1991. С.161-162.

⁸ Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5 и 6. М.: Мысль, 1989. С. 196; Алексеев Ю.Г. Государь всея Руси. С. 162.

⁹ Там же. С. 191-193. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. III. Т. 5 и 6. М.: Мысль, 1989. С. 194. Дурманов Н. Взятничество по русскому дореволюционному уголовному праву / Проблемы социалистического права. Сборник I. Под. ред. Н.В. Крыленко. М.: Юридическое издательство НКЮ Союза ССР, 1937. С.135. (Далее - Дурманов Н. Взятничество по русскому дореволюционному праву...).

¹⁰ Костомаров Н.И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей: В 4 т. Т. 2. М.: ТЕРРА, 1997. С. 308. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Сочинения. В 18 кн. Кн. V. Т. 9-10. М.: Мысль, 1990. С.462-463.

многочисленные указы Петра I,¹¹ Елизаветы Петровны,¹² Екатерины II,¹³ Александра I,¹⁴ Александра II,¹⁵ а также создание различных комитетов для изучения причин лихоимства и выработки мер по его искоренению¹⁶ и тому подобное.¹⁷

В качестве терминов для обозначения проявлений коррупции использовались “мздоимство” и “лихоимство”. Под “мздоимством” подразумевалось принятие должностным лицом взятки за совершение действия, входящего в круг его обязанностей, под “лихоимством” — получение взятки за совершение служебного проступка или преступления в сфере служебной деятельности.¹⁸

Власти в разное время применяли различные наказания для виновных: от легкого штрафа или снятия с должностей до вечной ссылки с вырыванием ноздрей и отнятием “всего имени” или смертной казни путем повешения или даже четвертования. Тем не менее, к началу XX века коррупция по-прежнему процветала.

Причины живучести взяточничества исследователь начала века П. Берлин объясняет тем, что в России “взяточничество неразрывно сплелось и срослось со всем строем и укладом политической жизни”. Продолжавшаяся на протяжении веков практика параллельного осуществления, с одной стороны, борьбы с взяточничеством, а с другой, разращения высших слоев чиновничества, путем щедрой раздачи даров “прислужившимся”, способствовала закладыванию психологических основ для взяточничества и казнокрадства. Соответственно, низшие слои чиновничества, не имея возможности быть одариваемыми сверху, прибегали к вымогательству по отношению к подчиненным. Отмечалась также связь взяточничества и казнокрадства с политической

---

¹¹ Указы: от 2 марта 1711 года (учредивший фискальную службу), от 17 марта 1714 года (определивший ответственность фискалов за коррупционные нарушения), от 24 декабря 1714 года, от 12 января 1722 года (учредивший прокуратуру).

¹² Указы: от 16 августа 1760 года, от 24 августа 1760 года (именной указ о губернаторах Пушкине и Солтыкове).

¹³ Указы: от 18 июля 1762 года, от 17 февраля 1763 года.

¹⁴ Указ от 18 ноября 1802 года (“Об искоренении лихоимцев”).

¹⁵ Указ 1862 года “Об изыскании причин и представлении средств к искоренению сей язвы”.

¹⁶ Подобные комитеты создавали, например, Николай I и Александр II.

¹⁷ Так, Александр III в 1884 году утвердил “Правила о порядке совмещения государственной службы с участием в торговых и промышленных товариществах”, в результате чего сочетать государственную службу со службой в частном предприятии стало формально невозможно. (См.: “АИФ” № 18(233), 3 мая 1997 года; Андреев И. Ее величество взятка // Спутник. 1992. № 12. С. 101.)

¹⁸ Малый энциклопедический словарь: В 4 т. / Репринтное воспроизведение издания Брокгауза–Ефрона. М.: ТЕРРА, 1997. Т.1. С.817; Т.4. С. 1824. Журавлев М.П. К вопросу совершенствования уголовно-правовых средств борьбы со взяточничеством/ Коррупция в России: состояние и проблемы: материалы научно-практической конференции (26 – 27 марта 1996 года). М.: Московский институт МВД РФ, 1996. С. 118.

благонадежностью. Создавалась ситуация, когда на эти преступления власть смотрела сквозь пальцы в обмен на политическое угодничество (лояльность, как сказали бы в настоящее время). Кроме того, важно, что взятка являлась своеобразным инструментом, с помощью которого обыватель мог добиться “если не фактического упразднения, то, по крайней мере, сколько-нибудь “милостивого”, сколько-нибудь широкого толкования существующих узаконений”. Таким образом, взятка смягчала архаичность, несовершенство законодательства.¹⁹

Следует отметить, что борьба властей с коррупцией носила своеобразный характер. Нередко она была обусловлена причинами и мотивирована обстоятельствами, не связанными напрямую с конкретными преступлениями. Один из характерных примеров: многочисленные обвинения в коррупции членов царского правительства, функционировавшего накануне революции 1917 года, в дальнейшем не нашли достаточного документального подтверждения, хотя Временное правительство приложило немало усилий для поиска доказательств.

Взятничество считалось большевиками злом, имманентно присущим “прогнившему царскому режиму” и доставшимся в наследство пролетарскому государству. Поэтому Советская власть буквально с первых месяцев своего существования начинает борьбу с коррупционными проявлениями. Первым правовым актом, предусматривавшим уголовную ответственность за взятничество, стал Декрет СНК “О взятничестве” от 8 мая 1918 года. Декретом предусматривалось в качестве наказания лишение свободы на срок не менее пяти лет, соединенное с принудительными работами на тот же срок. Покушение на получение или дачу взятки приравнивалось в Декрете к совершенному преступлению. Кроме того, в том случае, если взяткодатель был представителем “эксплуататорского” класса и взятка имела целью сохранить его привилегии, то он приговаривался “к наиболее тяжелым и неприятным работам”, а все его имущество конфисковывалось.²⁰ Таким образом, в Декрете просматривается классовый подход к наказанию за подобный род противоправной деятельности.

Весь период существования советской власти характеризуется довольно широким распространением коррупции, существованием ее как целостной системы, что отмечалось зарубежными исследователями

---

¹⁹ Берлин П. Русское взятничество, как социально-историческое явление// Современный мир. 1910. № 8. С.48, 51, 52 –54.

²⁰ Россия и коррупция: кто кого? (Проект доклада). Российская газета, Публикации, 19 февраля 1998 года.

данного вопроса.²¹ Как и в царской России, коррупция позволяла населению выжить, обеспечить себя дефицитными жизненными благами. В то же время, подкуп чиновников, взятки и другие неофициальные способы решения проблем смягчали жесткое централизованное управление и планирование народного хозяйства, делали его более мобильным и отзывчивым на вызовы времени, а теневой сектор служил источником потока коррупционных платежей.

За недостатком места ограничимся этими короткими замечаниями относительно коррупции советского периода. Обратимся ко временам нынешним. Довольно суровые наказания за взятки были смягчены только в начале 90-х г.г. XX века. Однако, проведение экономических и политических реформ, имевших следствием рост корыстных преступлений, включая взятки, потребовало принятия дополнительных мер. В 90-е годы был принят ряд документов, касавшихся борьбы с коррупцией.²²

Распространенность коррупции в мире и в России. Проявления коррупции в той или иной степени свойственны всем странам мира. Страны с посткоммунистическими режимами, проводящими экономические и политические реформы, демонстрируют значительный рост коррупции, вызывающий остро негативную реакцию общества и попытки властей как-то ограничить этот рост и негативные последствия. Правда, попытки оказываются далеко не всегда успешными. В Польше операция, подобная итальянской операции “Чистые руки” (о самой операции - несколько позднее в тексте), в числе коррумпированных лиц выявила трех министров, десятки их замов, директоров департаментов.²³ Плохую услугу операции оказал Конституционный суд Польши, вынесший решение, в котором говорилось, что государственные чиновники, которые брали “вторые полочки” от богатых частных фирм,

---

²¹ Shleifer A., Vishny R.W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 107. No3 (August). p. 610

²² Указ Президента Российской Федерации № 361 от 4 апреля 1992 года “О борьбе с коррупцией в системе государственной службы”, Приказ Государственного Таможенного Комитета Российской Федерации от 26 апреля 1995 года № 287 “О состоянии работы по борьбе с коррупцией, должностными преступлениями и задачах по обеспечению собственной безопасности таможенных органов Российской Федерации”, Указ Президента Российской Федерации № 567 от 18 апреля 1996 года и Положение “О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью”, Уголовный Кодекс Российской Федерации (принят Государственной Думой 24 мая 1996 года), “Федеральная целевая программа по усилению борьбы с преступностью на 1996 - 1997 годы”, “Концепция национальной безопасности Российской Федерации” (утверждена Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 года № 1300). В соответствии с приказом № 129, подписанным в феврале 1996 года “О мерах по обеспечению законности в органах внутренних дел Российской Федерации и укреплению собственной безопасности”, в МВД было создано Управление собственной безопасности.

²³ Валенса играет законами// Российская газета. 1995. 8 февраля.

“не виновны в том случае, если их направило в эти компании государство с целью соблюдения интересов последнего”.²⁴

В странах, где “коррупция, являясь актуальной частью политической повестки дня, используется в клановом противостоянии, но реальных мер по борьбе с ней не предпринимается”, могут иметь место три модели дальнейшего развития ситуации: *азиатская, африканская и латиноамериканская*.

В случае *азиатской модели* коррупция является не только привычным, но и общественно приемлемым культурным и экономическим явлением, которое связано с функционированием государства.

Африканская модель предполагает, что “власть продается “на корню” группе основных экономических кланов, договорившихся между собой, и политическими средствами обеспечивает надежность их существования”.²⁵ Кроме того, развит институт землячества. В африканских странах чиновник зачастую получает образование на деньги, собранные для него всей родной деревней. Став чиновником, он считает себя обязанным помогать всем односельчанам, которые приезжают в столицу. Если он становится чиновником высокого ранга, то, зачастую формирует подчиненный ему аппарат из земляков.²⁶ Несмотря на то, что крупным чиновникам гарантируются достаточно внушительные доходы, тем не менее, важным источником их дополнительных доходов являются взятки; по некоторым подсчетам, коррупция приносит чиновникам до 1/3 их общих доходов.²⁷

Латиноамериканская модель характеризуется тем, что при попустительстве коррумпированного государства, теневые и криминализированные сектора экономики достигают могущества, сравнимого с государственным. Мафия образует государство в государстве. В связи с политической нестабильностью, более возможным становится установление на волне борьбы с коррупцией диктатуры, после чего может быть переход к *африканской модели*.²⁸

---

²⁴ Там же.

²⁵ Сатаров Г.А., Левин М.И., Цирик М.Л. Россия и коррупция...

²⁶ Чертков В.Л. Чиновничество тропической Африки// Народы Азии и Африки. 1984. № 2. С. 58–59.

²⁷ Там же. С. 56. В данном случае автор ссылается на : Boloji S. Anatomy of Corruption in Nigeria. Ibadan, 1970. p. 11–13.

²⁸ Сатаров Г.А., Левин М.И., Цирик М.Л. Россия и коррупция...

Ежегодные потери от коррупции в России составляют 15 млрд. долларов.²⁹ По данным президента фонда “Информатика для демократии” Г. Сатарова, приведенных им на парламентских слушаниях “О коррупции в РФ и путях ее решения”, минимальные потери России от коррупции составляют 20 млрд. долларов в год.³⁰ В структуре привлекаемых к ответственности коррупционеров в 1996 году 41,1% составляли работники министерств, комитетов, а также их структур на местах, 11,7% - работники кредитно-финансовой системы, 26,5% - сотрудники правоохранительных органов, 8,9% - работники контролирующих органов, 3,2% - работники таможенной службы, 0,8% - депутаты органов представительной власти, прочие – 7,8%”.³¹

По оперативным данным МВД, каждой десятой организованной преступной группировке оказывают содействие чиновники органов государственной власти.³² По другим данным, такого чиновника имеет каждая из преступных группировок³³. Согласно некоторым оценкам, в 1995 году члены организованных преступных групп тратили на подкуп чиновников 50% похищенного, тогда как в 80-х годах на эти цели тратилось до 35%.³⁴ Коррупционные преступления являются преступлениями высокой латентности. Выявляемость случаев коррупции всего 1–2% от общего числа.³⁵ По данным Б.В. Волженкина, она колеблется от 0,1 до 2%³⁶ и в большинстве своем это случаи так называемой “низовой коррупции”, поскольку, как указывает А.С. Куликов, коррупционеры средних и высших эшелонов “действуют практически безнаказанно: благодаря своему статусу они находятся в своеобразной “зоне безопасности” либо защищены депутатским иммунитетом”.³⁷

В списке стран с самыми высокими показателями подкупа при госзаказах (%% от стоимости заказа) Российская Федерация занимает

---

²⁹ Коррупции на пропитание. Российская газета. 1998, 20.ноября, №221.

³⁰ 20 млрд в год - “доход” коррупции. Невское время. 1998. 4 декабря.

³¹ Волженкин Б.В. Коррупция: Серия “Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе”. СПб. : СПб юридич. ин-т Ген. прокуратуры РФ., 1998. С. 14.

³² Там же. С. 16.

³³ Гриб В.Г., Астрошабов А.В., Шайдаев Ш.Г. Мафия в России: современное состояние, прогноз / Проблемы борьбы с организованной преступностью: Материалы научно-практической конференции (28 - 29 ноября 1995 года). М.: Московский институт МВД России, Тверской филиал, 1996. С. 15.

³⁴ Основы борьбы с организованной преступностью. М.: ИНФРА – М., 1996. С. 181.

³⁵ Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее// Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 77.

³⁶ Волженкин Б.В. Коррупция... С. 15.

³⁷ Куликов А.С. Законы должны способствовать обузданию организованной преступности// Журнал российского права. 1997. № 9. С. 17.

шестое место (впереди - Таиланд, Индонезия, Филиппины, Индия, Парагвай).³⁸ Согласно индексу, составленному в 1999 году Transparency International на основе опроса 770 руководителей ведущих компаний, торгово-промышленных палат, коммерческих банков и юридических фирм в 14 странах, осуществляющих переход к рынку, Российская Федерация занимает 83-е место (общее количество стран, включенных в индекс – 99) и находится между Эквадором и Албанией (см. таблицу). Значение индекса 10 соответствует полному отсутствию коррупции, 0 – наибольшей вовлеченности в коррупцию. Стандартное отклонение показывает различия в восприятии коррупции в данной стране по различным источникам, использованным при подготовке индекса. В 1996 индекс составлял для России 2,58; в 1997 – 2,27; в 1998 – 2,40.

Таблица (данные 1999 года)

Место страны	Страна	Значение индекса	Стандартное отклонение	Количество обзоров
1	Дания	10,0	0,8	9
2	Финляндия	9,8	0,5	10
3	Новая Зеландия	9,4	0,8	9
4	Швеция	9,4	0,6	10
5	Канада	9,2	0,5	10
6	Исландия	9,2	1,2	6
7	Сингапур	9,1	0,9	12
8	Нидерланды	9,0	0,5	10
9	Норвегия	8,9	0,8	9
10	Швейцария	8,9	0,6	11
11	Люксембург	8,8	0,9	8
12	Австралия	8,7	0,7	8
13	Англия			
14	Германия	8,0	0,5	10
15	Гонконг	7,7	1,6	13
16	Ирландия	7,7	1,9	10
17	Австрия	7,6	0,8	11
18	США	7,5	0,8	10

³⁸ Wettwer Brigitte. Nuetzliche Ausgaben/Wirtschaftswoche, NR. 23 / 30.05.96

19	Чили	6,9	1,0	9
20	Израиль	6,8	1,3	9
21	Португалия	6,7	1,0	10
22	Франция	6,6	1,0	10
23	Испания	6,6	0,7	10
24	Ботсвана	6,1	1,7	4
25	Япония	6,0	1,6	12
26	Словения	6,0	1,3	6
27	Эстония	5,7	1,2	7
28	Тайвань	5,6	0,9	12
29	Бельгия	5,3	1,3	9
27	Намибия	5,3	0,9	3
31	Венгрия	5,2	1,1	13
32	Коста-Рика	5,1	1,5	7
33	Малайзия	5,1	0,5	12
34	ЮАР	5,0	0,8	12
35	Тунис	5,0	1,9	3
36	Греция	4,9	1,7	9
37	Мавритания	4,9	0,7	4
38	Италия	4,7	0,6	10
39	Чехия	4,6	0,8	12
40	Перу	4,5	0,8	6
41	Иордания	4,4	0,8	6
42	Уругвай	4,4	0,9	3
43	Монголия	4,3	1,0	3
44	Польша	4,2	0,8	12
45	Бразилия	4,1	0,8	11
46	Малави	4,1	0,5	4
47	Марокко	4,1	1,7	4
48	Зимбабве	4,1	1,4	9
49	Сальвадор	3,9	1,9	4
50	Ямайка	3,8	0,4	3
51	Литва	3,8	0,5	6
52	Южная Корея	3,8	0,9	13
53	Словакия	3,7	1,5	9

54	Филиппины	3,6	1,4	12
55	Турция	3,6	1,4	10
56	Мозамбик	3,5	2,2	3
57	Замбия	3,5	1,5	4
58	Беларусь	3,4	1,4	6
59	Китай	3,4	0,7	11
60	Латвия	3,4	1,3	7
61	Мексика	3,4	0,5	9
62	Сенегал	3,4	0,8	3
63	Болгария	3,3	1,4	8
64	Египет	3,3	0,6	5
65	Гана	3,3	1,0	4
66	Македония	3,3	1,2	5
67	Румыния	3,3	1,0	6
68	Гватемала	3,2	2,5	3
69	Таиланд	3,2	0,7	12
70	Никарагуа	3,1	2,5	3
71	Аргентина	3,0	0,8	10
72	Колумбия	2,9	0,5	11
73	Индия	2,9	0,6	14
74	Хорватия	2,7	0,9	5
75	Берег Слоновой Кости	2,6	1,0	4
76	Молдова	2,6	0,8	5
77	Украина	2,6	1,4	10
78	Венесуэла	2,6	0,8	9
79	Вьетнам	2,6	0,5	8
80	Армения	2,5	0,4	4
81	Боливия	2,5	1,1	6
82	Эквадор	2,4	1,3	4
83	РФ	2,4	1,0	13
84	Албания	2,3	0,3	5
85	Грузия	2,3	0,7	4
86	Казахстан	2,3	1,3	5
87	Киргизия	2,2	0,4	4

88	Пакистан	2,2	0,7	3
89	Уганда	2,2	0,7	5
90	Кения	2,0	0,5	4
91	Парагвай	2,0	0,8	4
92	Югославия	2,0	1,1	6
93	Танзания	1,9	1,1	4
94	Гондурас	1,8	0,5	3
95	Узбекистан	1,8	0,4	4
96	Азербайджан	1,7	0,6	5
97	Индонезия	1,7	0,9	12
98	Нигерия	1,6	0,8	5
99	Камерун	1,5	0,5	4

Основные исследовательские подходы. Первые исследования коррупции (в 1-ой половине нынешнего века) были связаны в основном с анализом функционирования американской политической машины в крупных городах США, а также с реформами муниципального управления. В этих ранних работах отмечена важнейшая характеристика коррупции – дополнительность по отношению к формальным институтам. При этом “побочным” продуктом этих исследований оказались симпатия и сочувствие, с которым описывались деятельность некоторых наиболее легендарных боссов крупных американских городов.³⁹

В дальнейшем констатация определенной положительной составляющей в характеристике их деятельности получила обоснование в рамках структурно-функционального подхода. Здесь, видимо, необходимо упомянуть Р. Мертон и предложенную им модель анализа функционирования американской политической машины.⁴⁰ Опираясь на работы Л. Стеффенса⁴¹, его суждения, Р. Мертон пишет о структурном контексте исследования, основным элементом которого считает диффузию и фрагментацию власти и соответственно ответственности. Речь шла о крупных, быстро растущих городах США с их специфическими проблемами и конфликтами. В них возникали альтернативные официальным, неформальные центры ответственности –

³⁹ Eric L. McKittrick. The Study of Corruption // Sociology and History: Methods / Ed/ by Seymour Martin Lipset and Richard Hofstadter. New York, London: Basic Books, Inc., Publishers, 1968. P.358.

⁴⁰ Merton, Robert K. Social Theory and Social Structure. Glencoe, Ill.: 1949. P. 71-81.

⁴¹ Steffens, Lincoln. The Shame of the Cities. New York: 1904.

власть “боссов”, лидеров неофициальных исполнительных структур, работавших “в задней комнате”. Колоритное описание этих акторов находим у М. Вебера.⁴² Если коротко сформулировать точку зрения М. Вебера на сущность явления “босс и его организация”, то это есть субститут бюрократии в развивающейся политической культуре демократии. По мере проведения реформы государственной гражданской службы в США “дилетантское управление” чиновников, сопровождаемое властью боссов, заменяется профессиональным бюрократическим, когда посты занимают университетские образованные чиновники, неподкупные и знающие свое дело.⁴³

Возвращаясь к модели, описанной Мертоном, отметим, что он подробно рассмотрел функции неформальных лидеров – боссов, выделив при этом несколько основных: 1) предоставление различного рода услуг наиболее обездоленным жителям (пища, работа, помощь в трудных житейских ситуациях и т.д.), платой, благодарностью за которые являлись голоса на выборах; 2) решение проблем предпринимателей как мелких (например, нередко защита от взаимных посягательств), так и крупных, нуждавшихся в помощи при выполнении больших и дорогостоящих проектов; и те и другие нуждались в неформальной защите от противоречий законов, кодексов и правил; благодарностью за эти услуги являлись денежные пожертвования – “масло для машины”; 3) предоставление каналов социальной мобильности для представителей тех социальных групп (например, этнических меньшинств), для которых закрыты или чрезвычайно затруднены иные, легальные способы вертикальной мобильности; платой за услуги в данном случае выступала безусловная преданность; 4) замещение официальной легитимации тех видов бизнеса, что стоят вне закона; в то же время обеспечение контроля путем установления стандартов и пределов деятельности; платой в данном случае были денежные пожертвования. Таков описанный Мертоном паттерн. Признанная классической, модель являлась исходным пунктом для многих исследователей коррупции, хотя реальность, послужившая материалом для ее создания, существенно изменилась.

Исследователи коррупции в последние два десятилетия рассматривали, как правило, не столько самое коррупцию, сколько ее последствия, влияние на различные стороны жизни общества.

---

⁴² Вебер, М. Политика как призвание и профессия // Вебер, М. Избранные произведения. М.: “Прогресс”. 1990. С. 682-685.

⁴³ Там же, с. 685.

Исследования проводились в рамках структурно-функционального подхода, и коррупция представлялась как дисфункция, обусловленная внутренними политическими, культурными и административными факторами.

Традиция рассмотрения коррупции как девиации властвующих элит восходит к К. Фридриху,⁴⁴ что иногда ускользает от внимания исследователей.⁴⁵ К. Фридрих рассматривал коррупцию как поведение, отклоняющееся от преобладающих в политической сфере норм и обусловленное мотивацией получения личной выгоды за общественный счет. Личная выгода не обязательно имеет денежно-финансовый характер, она может быть связана с продвижением по службе самого коррупционера, членов его группы поддержки или иными преимуществами для членов его семьи и приближенных. К. Фридрих увязывал степень коррумпированности власти с контекстом ее осуществления, степенью консенсуса, достигнутого в обществе, а факторами, сдерживающими коррупцию, называл движения, оппозиционные власти, и свободную прессу. У К. Фридриха коррупция – явление почти однозначно негативное, “патология политики”, порче при этом подвергаются и государственные чиновники и властные институты, хотя он признает ее функциональность до определенного предела. Необходимо подчеркнуть и еще один важный момент во взглядах К. Фридриха на коррупцию. Он считает ее одним из неперенных спутников политики, а “окончательную победу” над коррупцией – задачей утопической.

Как девиантность элиты рассматривают коррупцию (в ряду других подобных явлений) Дэвид Р. Саймон и Д. Стэнли Эйтцен. Необходимость такого подхода они обосновывают тем, что термин “беловоротничковая преступность” неадекватен сути явления – институционализации безнравственности, аморальности и скандализации страны. А также тем, что в США проблема преступности в действительности коренится в системе, в которой преступность низших классов, мафия, коррумпированный публичный сектор и преступные сообщества объединяются ради прибыли и власти. Поэтому они исходят из предположения, что преступность и девиация социетально обусловлены,

---

⁴⁴ Friedrich, Carl J. *The Pathology of Politics: Violence, Betrayal, Corruption, Secrecy, and Propaganda*. New York: Harper & Row, 1972.

⁴⁵ Киселев И.Ю. Политическая элита: ее сущность и психология (по материалам исследований американских ученых) /Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 1995. С.145.

заданы на уровне общества. Это означает, что определенные социологические факторы обуславливают совершение преступлений, как индивидами, так и организациями. Среди наиболее важных из этих факторов в американском обществе – властная структура как таковая.⁴⁶

Экономические, рыночно-центристские подходы рассматривают коррупцию как форму социального обмена, а коррупционные платежи как часть трансакционных издержек. Среди исследователей, работающих в этом русле, чаще всего называют С. Роуз-Аккерман и Г. Нойгебауэра.⁴⁷ В рамках этого подхода коррупция связывается с чрезмерным вмешательством государства в экономические процессы. Поэтому коррупция может быть вполне функциональна, поскольку является противовесом излишней бюрократизации. Она выступает средством ускорения процессов принятия управленческих решений и способствует эффективному хозяйствованию. Следует отметить, что эти положения первоначально были сформулированы для стран с централизованно-управляемой экономикой, к каковым относилась и Россия (СССР), и для стран третьего мира. Хотя в дальнейшем аналогичным образом разработчики данного направления в анализе коррупции подходили к анализу коррупции в развитых странах с рыночной экономикой, выступая против расширяющегося государственного участия. Однако эта точка зрения не помогает понять и объяснить, почему в некоторых странах с довольно высоким участием государства в экономике коррупция весьма невысока (например, в Дании).

В рамках вышеназванного подхода рассматривает коррупцию автор известной теории коллективных благ Мансур Олсон. В дополнении к русскому изданию получившей широкую известность и признание книги “Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз” он так заявляет свою позицию: “Суть нашей позиции состоит в том, что любое законодательство или ограничение, вводящее “рынок наоборот”, создаст практически у всех участников побудительные мотивы к нарушению закона и скорее всего приведет к росту преступности и коррупции в рядах правительственных чиновников. Таким образом, одна из причин, по которым многие общества серьезно поражены коррупцией госаппарата, заключается в том, что почти все частные предприниматели имеют побудительные мотивы к нарушению закона, при этом почти ни у кого не возникает стимула сообщать о таких

---

⁴⁶ Simon, David R., Eitzen, D. Stanley. *Elite Deviance*. 3rd ed. Boston etc.: Allyn and Bacon, 1990, pp. XII, 9-10.

⁴⁷ Rose-Ackerman, Susan. *Corruption: A Study in Political Economy*. New York: Academic Press. 1978.

нарушениях властям... Не только *совокупный* побудительный мотив частного сектора толкает его обойти закон, но и все побудительные мотивы, характерные для частного сектора, оказываются на стороне тех, кто нарушает правила и постановления. Когда таких постановлений и ограничений становится слишком много, рано или поздно частный сектор (поскольку все или почти все его представители имеют побудительные мотивы к нарушению антирыночных установок или к подкупу чиновников) делает правительство коррумпированным и неэффективным”.⁴⁸

В 60-е годы, в рамках так называемой “ревизионистской” школы исследования коррупции, большинство политологов и социологов считали коррупцию болезнью развивающихся обществ, результатом, следствием и/или проявлением незавершенной модернизации и бедности. Представители этой школы (например, Хосе Абуэва, Дэвид Бейли, Натаниэль Лефф, Колин Лейес) выступали против односторонне-негативистского подхода к коррупции как общественной патологии. Напротив, они утверждали, что коррупция может выполнять позитивные функции в плане интеграции, развития и модернизации обществ “третьего мира”.⁴⁹

Действительно, распространение рыночных отношений, с одной стороны, и бюрократизация власти и управления, с другой, разрушают связи патримониального господства, традиционные формы групповой солидарности, характерные для доиндустриальных обществ. Однако в развитых странах этот процесс был растянут во времени. Что еще важнее, в западных странах вместо личной зависимости между индивидами установились договорные отношения, регулируемые правом, что явилось результатом длительного поиска гражданских форм защиты и солидарности. В обществах, форсирующих модернизацию, либо в тех, где состояние переходности по различным причинам приобретает характер “зависимого развития” и исторически сильны государственные начала в общественной жизни, затруднено формирование институтов, свойственных модернизированным обществам, или их существование

---

⁴⁸ Олсон Мансур. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Пер. с англ. – Новосибирск: ЭКОР, 1998. 432 с. С. 401.

⁴⁹ Abueva, J.V. The Contribution of Nepotism, Spoils and Graft to Political Development // East-West Center Review 3, 1966, pp. 45-54; Bayley, D.H. The Effects of Corruption in a Developing Nation // Western Political Quarterly. 1966. Vol. 19, № 4, pp. 719-732; Leff, N. H. Economic Development Through Bureaucratic Corruption // American Behavioral Scientist. 1964. Vol. 8, № 3, pp. 8-15; Lyes, C. What is the Problem About Corruption? // Journal of Modern African Studies. 1965. Vol.3, №26, pp. 215-230.

дисфункционально. Отношения типа “патрон-клиент”, являясь естественной формой защиты индивида в традиционном обществе, имеют все шансы сохраниться и в период модернизации. Они могут проявляться по-разному и нередко воспринимаются как коррупционные. Что касается развитых стран, успешно и давно осуществивших модернизацию, то сохранение различных форм личной зависимости и господства в публичной сфере, которые (формы зависимости и господства), в частности, реализуются в актах обмена индивидов и представителей государственной власти, чиновников, означает не что иное, как коррупцию институтов.

В России социологическое исследование мздоимства и взятки, ее социокультурных и, в частности, национальных особенностей осуществлялось до начала двадцатых годов XX века в рамках “отечественной социологии чиновничества”.⁵⁰ Самые общие выводы, которые были сделаны о природе этого явления в России: 1) подкуп административного лица – это традиция; 2) формы взяточничества менялись, по сути злоупотребление властью сохранялось; 3) упорная воспроизводимость явления нашла отражение в появлении в языке (и бытовом и литературном) как прямых обозначений, так и многочисленных эвфемизмов. С конца 20-х годов нашего столетия социология чиновничества в России исчезла с научного горизонта.⁵¹ А о взяточничестве, коррупции можно было прочесть разве что в сатирических публикациях. Научное же рассмотрение явления продолжалось лишь в рамках криминологии.

Актуализация проблемы коррупции связана с ее расцветом в период застоя, а публичное признание состоялось в 80-е годы.⁵² С тех пор в печати появилось несметное количество публикаций разоблачительного характера. Проблемой довольно активно занимаются криминологи и правоведы.⁵³ Показательно, что практически единственная за эти годы (1996) научно-практическая конференция, посвященная коррупции, была

---

⁵⁰ Голосенко И.А. Феномен “русской взятки”: очерк истории отечественной социологии чиновничества// Журнал социологии и социальной антропологии. 1999. № 3. С. 105–119.

⁵¹ Там же. С. 106, 118.

⁵² Власов А. На страже правопорядка// Коммунист. 1988. № 5.; Лунеев В.В. Политическая преступность в России: прошлое и настоящее// Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 77.

⁵³ См, например: Кабанов П.А. Коррупция и взяточничество в России. Нижнекамск: ИПЦ “Гузель”, 1995; Катаев Н.А., Сердюк Л.В. Коррупция (уголовно-правовой и криминологический аспект): Учебное пособие. Уфа: ВЭГУ и УВШ МВД РФ, 1995; Кирпичников А.И. Взятка и коррупция в России. СПб.: “Альфа”, 1997; Волженкин Б.В. Коррупция: Серия “Современные стандарты в уголовном праве и уголовном процессе”. СПб.: СПб юридич. ин-т Ген. прокуратуры РФ, 1998.

проведена Московским институтом МВД.⁵⁴ С тех пор положение с исследованиями несколько улучшилось.

Но все еще очень немного работ отечественных социологов, политологов, экономистов, хотя бы отчасти посвященных проблеме коррупции. Кроме уже цитированной статьи И.А. Голосенко, упомянем еще работы М.Н. Афанасьева и В.В. Радаева.⁵⁵ В.В. Радаев рассматривает данное явление в основном с позиций институционального подхода. Вымогательство и взяточничество чиновников он считает “начальной и примитивной формой взаимоотношений предпринимателя и чиновника. С ростом масштабов бизнеса и по мере укрепления взаимного доверия складывается сложная система обмена услугами, а на ее основе – форма сотрудничества в рамках неформальных контракт-отношений”.⁵⁶ У М.Н. Афанасьева коррупция проистекает из особенностей властных структур России и укорененности в обществе патрон-клиентских отношений.

Для понимания коррупции в современной России, безусловно, важно определить сущность процесса трансформации, происходящего в стране. Вполне осознавая трудности, поджидающие исследователя, попытаемся кратко сформулировать свою точку зрения, основываясь на результатах исследований, проводившихся в самой России и за ее рубежами.

Во-первых, российское общество переживает переломный момент своего развития, перед страной снова стоит проблема самоопределения.⁵⁷

Во-вторых, Россия переживает очередной “приступ” модернизации. При этом ее, видимо, можно отнести к числу стран, “стабилизированных в переходном периоде” (наряду с большинством стран Юго-Восточной Азии).⁵⁸ По многим сущностным характеристикам она напоминает крупные “страны-материки” третьего мира такие, как Бразилия и Индия, с одной стороны, а своей традицией мощной имперской государственности – Китай.⁵⁹

---

⁵⁴ Коррупция в России: состояние и проблемы. Научно-практическая конференция 26 - 27 марта 1996 года.

⁵⁵ См. прежде всего: Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований Московского Общественного Научного Фонда. 1997; Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998. Гл. 1 “Отношения предпринимателя с властью: издержки и выгоды”.

⁵⁶ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков: транзакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М.: Центр политических технологий, 1998. С.97.

⁵⁷ Пантин И. К. Проблема самоопределения России: историческое измерение // Вопросы философии. 1999. № 10. С. 3-17.

⁵⁸ Павленко С. Элемент демократии или закулисные сделки? // Pro et Contra. Том 4, № 1. Зима 1999. С. 68-83.

⁵⁹ Шанин Теодор. Умом Россию понимать надо. Тезис о трехъединстве России // Куда идет Россия?... Кризис институциональных систем: Век, десятилетие, год / Под общ. ред. Т.И. Заславской. М.: Логос, 1999. С. 7.

Для России, как и других стран, осуществляющих системный переход (каковым является модернизация), характерно сочетание “старых” и “новых” институтов и типов поведения. Поскольку страна находится в состоянии продолжительного системного перехода, институты, “отвечающие” за переход, и соответствующие модели поведения начинают доминировать в системе общественных отношений. Собственно, отсюда происходит интерпретация сегодняшней России как страны коррумпированного капитализма.⁶⁰

Властвующие группы в современном российском обществе уже не являются номенклатурой, но еще не реализуют себя как элиты. Идеально-типическое определение властвующего слоя (совокупности властвующих групп) – “постноменклатурный патронат”, паразитирующий на государственных формах.⁶¹

Отмечается тенденция реализации интересов всех господствующих групп в обход легально определенных правил и процедур. Более того, это обычная практика. В то же время на предприятиях отмечается усиление личной зависимости работников от администрации. Имеет место тенденция сращивания в “единый лоббистский организм” на госкапиталистической основе ведомств и головных отраслевых корпораций, а также “приватизация” формально государственных институтов и превращение клиентарно-организованных частных и частно-корпоративных интересов практически в единственную действенную власть.⁶²

Коррупция как социальное отношение. В разнообразии подходов к изучению коррупции проявляется многогранность проблемы. Коррупция многолика. Она присутствует во многих обществах, но ее масштабы и формы проявления, роль и влияние различны. Несмотря на различия в подходах, определениях, оценках, существуют некие характеристики, констатируемые всеми. Коррупция – это, прежде всего отношение, в котором одна из сторон непременно является представителем власти. С другой стороны ему противостоит субъект, заинтересованный в получении неких услуг (благ и т.д.). То есть это отношение обмена.

С точки зрения отношений обмена разумно предположить, что модели коррупции могут иметь следующий вид: 1) чиновник – субъект

---

⁶⁰ Павленко С. Элемент демократии или закулисные сделки? // Pro et Contra. Том 4, № 1. Зима 1999. С. 70-71.

⁶¹ Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. М.: Центр конституционных исследований Московского Общественного Научного Фонда. 1997. С. 260, 280, 281.

⁶² Там же. С. 260, 270, 272, 280.

бизнеса, 2) чиновник – политик, 3) чиновник – индивиды, решающие свои частные проблемы, не связанные с бизнесом или политикой.

Однако анализ внутренних взаимодействий бюрократического аппарата позволяет прийти к выводу, что на самом деле все эти модели имеют трехчленную структуру “шеф – агент – клиент”. Э.К. Бэнфилд, одним из первых определившим таким образом коррупцию, считал, что “коррупция становится возможной, когда существуют три типа экономических агентов: уполномоченный, уполномачивающий и третье лицо, доходы и потери которого зависят от уполномоченного. Уполномоченный подвержен коррупции в той мере, в какой он может скрыть коррупцию от уполномачивающего. Он становится коррумпированным, когда приносит интересы уполномачивающего в жертву собственным, нарушая при этом закон”.⁶³

Другая известная исследовательница коррупции С. Роуз-Аккерман также рассматривает природу коррупции в связи с разделением труда и передачей (делегированием) полномочий. При этом она разделяет коррупцию на политическую, связанную с принятием законов, и административную, обусловленную их применением, раскрывая механизмы их функционирования. Если сказать коротко и достаточно упрощенно, механизм коррупции строится на том, что законодатели суть агенты избирателей, руководители организаций – агенты законодателей, а бюрократы, чиновники – агенты руководителей организаций. Принципал определяет набор предпочтений, нацеленных на достижение определенного результата. Коль скоро контроль стоит дорого и не может быть тотальным, агенты имеют возможность действовать бесконтрольно в известных пределах, и, при наличии определенной мотивации, в первую очередь удовлетворять собственные интересы, то существует вероятность появления третьего лица (клиента), заинтересованного в получении неких услуг и экономии своих затрат при этом. Последнее возможно как раз в случае коррупции агента, получающего взятку. Собственно, описанный механизм действует и в случае политической и в случае административной коррупции. Сходство механизмов послужило основанием для утверждения некоторыми исследователями необходимости преодоления традиционно раздельного изучения политической и административной коррупции. Так, Р. Теобальд считал, что любые административные функции имеют политическое измерение, а

---

⁶³ Социально-экономические аспекты коррупции. Проблемно-тематический сборник. М.: ИНИОН РАН, 1998. С. 20.

различия между политикой и администрацией являются чисто количественными; и административная и политическая коррупция являются сторонами одного и того же явления. С точки зрения выявления коррупции, злоупотребления административными полномочиями значительно легче установить, поскольку административные функции определяются более точно, чем роли политиков.⁶⁴

На возникновение и уровень коррупции влияют следующие институциональные условия: 1) монопольная власть чиновников; в частности, по распределению государственных товаров или государственному регулированию цены и установлению квот на производство и экспорт/импорт товаров; лицензированию деятельности; 2) определенная степень свободы действий чиновников, которую они вправе использовать; чем больше свободы дано чиновнику, тем больше у него возможностей толковать правила (в обмен на незаконные выплаты или иные блага); строгие правила – хорошая профилактическая мера, если им следуют; но результативнее – упростить правила; 3) определенная степень учета (контроля) и прозрачности действий чиновников; здесь, однако, существует опасность коррупции самих контролирующих институтов и таким образом, восхождение коррупции на более высокие уровни управления.⁶⁵

Поскольку мотивы коррупции связаны с личной выгодой, многие полагают, что важно (едва ли не основной вопрос) хорошо оплачивать работу государственных чиновников, а также иметь отлаженную систему поощрений и продвижения чиновников по служебной лестнице, чтобы выполнение правил сулило большее вознаграждение, нежели их нарушение в пользу клиентов. Здесь, однако, уместно напомнить об обоснованных сомнениях относительно результативности этих мер, как и значимости самого фактора.⁶⁶

Анализ поведения и мотивации индивидов на микро уровне позволяет многое понять, однако не дает возможности ответить на вопрос, почему модели коррупционного поведения приобретают массовый характер, становятся привычно-типическими в России.

---

⁶⁴ Социально-экономические аспекты коррупции... С. 21 – 22.

⁶⁵ Klitgaard R. Controlling Corruption. Berkeley: University of California Press, 1988. Цит. по: Goudie A.W., Stasavage D. A framework for the analysis of corruption // Crime, Law & Social Change. Vol. 29, № 2–3, 1998. P. 11 – 119.

⁶⁶ Голосенко И.А. Феномен “русской взятки”: очерк истории отечественной социологии чиновничества... С. 106 – 108.

Видимо, эти достаточно универсальные положения необходимо вписать в конкретный социальный контекст современной России.

Политические и экономические реформы означали снятие многих ранее существовавших запретов и ограничений самостоятельных социальных действий и установление новых для бывших советских граждан прав и свобод. “Возросшая самостоятельность социальных субъектов” в условиях дефицита правовых установлений и традиционного для России правового нигилизма, имеет следствием расширение поля произвола и беззакония в различных сферах жизнедеятельности общества, включая и все уровни иерархии власти. Произошла определенная “институционализация неправовой свободы”, то есть ее “превращение в устойчивый, постоянно воспроизводящийся феномен, который, интегрируясь в формирующуюся систему общественных отношений (экономических и неэкономических), становится нормами (привычными образцами) поведения больших групп индивидов и постепенно интернализируется ими”.⁶⁷ В массе социальных взаимодействий феномен коррупции (взяточничества, казнокрадства и т.д.) — это двусторонние солидаристические неправовые взаимодействия. На высших уровнях властной иерархии — это солидарность в незаконном расходовании средств бюджета, заключение заведомо убыточных для казны договоров, невыгодная для государства приватизация, принятие законов в интересах определенных групп интересов.⁶⁸ Об этом же говорит и Л. Косалс. Быстрый слом прежнего механизма поощрения за следование социальным нормам и в то же время механизма санкций за их нарушение ведет к тому, что и индивиды и социальные группы теряют ориентиры деятельности, нарушается социальный порядок. По мнению Л. Косалса, происходит “неформальная институционализация множества экономических феноменов”. Он приводит примеры, среди которых, в частности, незаконная приватизация государственной собственности.⁶⁹ Значительный рост должностных преступлений (с учетом их высокой латентности) за годы реформ, а также превращение неправовых взаимодействий в эффективный инструмент адаптации, как индивидов, так и социальных групп, свидетельствует о прочной интегрированности отношений коррупции в трансформационный процесс.

---

⁶⁷ Шабанова М. “Неправовая свобода” и социальная адаптация // Свободная мысль. 1999. № 11. С. 54 – 55.

⁶⁸ Там же. С. 59.

⁶⁹ Косалс Л. Между хаосом и социальным порядком // Pro et Contra. Том 4. № 1. Зима. 1999. С. 49.

Прежде всего, это касается процесса становления частной собственности на основе проводимой в стране широкомасштабной приватизации, а также предпринимательства. Нет, видимо, необходимости приводить здесь данные о многочисленных нарушениях законодательства и злоупотреблениях в процессе приватизации. Об этом очень много писалось и говорилось. Приватизация во всех ее формах (и ваучерная, и залоговые аукционы и т.д.) сопровождалась громкими скандалами и обвинениями в коррупции. Некоторым чиновникам пришлось даже уйти с занимаемых постов. Нередко свои действия “приватизаторы” оправдывали недостатком в стране легальных ресурсов для приватизации крупных предприятий. Что, конечно, справедливо, но, тем не менее, не может служить оправданием для действий чиновников, особенно, когда эти действия явно осуществляются в пользу определенных групп интересов.

Громкие требования оппозиции о пересмотре результатов приватизации вызывают однозначно негативную реакцию исполнительной власти. Среди аргументов против пересмотра есть и такой: практически во всех актах приватизации есть более или менее серьезные нарушения.

Анализируя взаимоотношения государственной власти в лице чиновников с предпринимателями В.В. Радаев, ссылаясь на известную работу А. Шляйфера и Р. Вишни⁷⁰, говорит о трех моделях коррупции. Он называет их: 1) монополистическая, когда предоставление общественных благ находится в одних руках под единым бюрократическим контролем; 2) дерегулируемая, когда бюрократические структуры действуют относительно независимо друг от друга в подведомственных областях; 3) конкурентная, когда каждое общественное благо обеспечивается более чем одной бюрократической структурой.

По мнению В.В. Радаева в крупных городах (включая столичные), где находится большое количество бюрократических структур, значительно больше возможностей для формирования конкурентной модели.⁷¹ Возвращаясь к модели А. Шляйфера и Р. Вишни, отметим, что согласно их мнению, “в России при коммунистах существовала целостная система взяток (*monolithic bribe collection system*). С уходом коммунистов, в отличие от прежних времен, берут взятки и правительственные

---

⁷⁰ Shleifer A., Vishny R.W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 107. № 3 (August). P. 599–617.

⁷¹ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков... С. 63–64.

чиновники, и чиновники местных органов власти, и чиновники министерств и многие другие, что приводит к росту взяток, хотя, возможно, коррупционные потоки ниже, чем при коммунистах”.⁷² То есть, в постсоветском обществе произошел постепенный сдвиг от монополистической к дерегулируемой модели.⁷³

А. Шляйфер и Р. Вишни связывали уровень коррупции со структурой государственных институтов и структурой политического процесса. Особенно значимым представляется это для новых слабых правительств, не контролирующих свои органы, к тому же когда эти последние представляют собой недостаточно зрелые институты.⁷⁴ Указанная взаимосвязь была замечена еще С. Хантингтоном.⁷⁵ Зрелость, сила государственных институтов, государства может пониматься и в абсолютном (как сила принуждения) и в относительном (то есть процедурном) смысле. Второе означает также “четкость институциональных границ государства” и соответственно четкость разграничения между государством как специфическим институтом и тем, что находится вне его границ. Соответственно и слабость государства понимается как “дефицит полицейско-административной мощи и как нарушение институциональных границ и процедур. Первое выражается в разгуле преступности и бандитизма, второе – в разрастании коррупции”.⁷⁶

Процесс реформ в России сопровождался существенными изменениями в социальной структуре общества, имущественной дифференциацией и стратификацией по новым основаниям. Отчасти процесс связан с легализацией теневой социальной структуры, то есть тех социальных групп, которые развивались в советские времена вне правового поля, нередко паразитируя на государственной собственности. Их деятельность была самым тесным образом связана с коррупцией советской государственной машины.

В значительно же большей степени новая модель стратификации связана с формированием слоя крупных собственников, состоящего в

---

⁷² Shleifer A., Vishny R.W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 107. № 3 (August). P. 610.

⁷³ Радаев В.В. Формирование новых российских рынков... С. 64.

⁷⁴ Shleifer A., Vishny R.W. Corruption. P. 610.

⁷⁵ См.: Huntington S.P. Political Order in Changing Societies. New Haven, CT: Yale University Press, 1968.

⁷⁶ Волков В. Политэкономия насилия, экономический рост и консолидация государства // Вопросы экономики. 1999. № 10. С. 53.

основном из бывшей партийно-советской и хозяйственной номенклатуры, обменявшей право распоряжения собственностью на право владения ею.⁷⁷

Проведение реформ открыло новые каналы для быстрого продвижения в верхние слои общества. Становление новых элитных групп, особенно в регионах, сопровождалось существенным рассогласованием статусов. Инструментом согласования положения во властной иерархии и материального достатка, который в глазах представителей власти должен давать возможность для соответствующего стиля жизни и приобретения символических предметов потребления, служит целый арсенал средств: от легальных до преступных. Многие из них могут быть отнесены к коррупционным действиям.

Характерными проявлениями коррупции в России являются совмещение государственными чиновниками должностей в органах власти и в коммерческих структурах; организация коммерческих структур должностными лицами, использующими при этом свой статус, обеспечение этим предприятиям привилегированного положения. Государственные чиновники и политики высокого ранга нередко используют служебное положение в процессе приватизации государственных предприятий к собственной выгоде или в пользу близких ему лиц. Распределение государственных финансовых ресурсов также является предметом коррупционных деяний⁷⁸. Изобретательность коррупционеров весьма велика, поэтому список услуг и материальных ценностей можно умножать до бесконечности. По заключению В.В.Лунеева, “изошренное мздоимство и казнокрадство стало основной и перспективной статьей дохода на временных и неустойчивых государственных должностях, институированного порочным российским деловым обычаем”⁷⁹.

Последствия коррупции. Коррупция как социальная проблема. Как мы убедились, причины коррупции усматриваются в чрезмерном вмешательстве государства в жизнь общества. Однако демократия и рынок не ведут к исчезновению коррупции. Более того, в них самих таятся причины коррупции. Варианты интерпретации как причин, так и самой коррупции могут содержать противоположные суждения. Оценка одних и тех же явлений, их восприятие в обществе на разных этапах

---

⁷⁷ Трансформация социальной структуры и стратификация российского общества / Институт социологии РАН, 2-е изд., перераб. и дополн. Отв. ред. д. философ. н., проф. З.Т. Голенкова. М.: Изд-во Института социологии РАН, 1998. С. 287.

⁷⁸ Волженкин Б.В. Коррупция...С.13

⁷⁹ Лунеев В.В. Коррупция учтенная и фактическая // Государство и право, 1996. №8. С. 84

истории может быть различным. Примеров такого рода можно привести достаточно.

Отношение общественного мнения к коррупции изменяется от страны к стране и от культуры к культуре. Существуют различия, даже разрыв и в восприятии коррупции общественным мнением в целом и элитами, в частности⁸⁰. Неодинаково восприятие коррупции и различными социальными группами. Исследования, проводившиеся в России, также подтверждают справедливость этого положения.

Отнесение того или иного действия или явления к коррупции зависит, по выражению И. Мени от “порога терпимости общества”, а также от “интенсивности контроля над системой сверху”,⁸¹

Различное восприятие коррупции побудило А. Дж. Хайденхаймера предложить классификацию коррупции как “белой”, “серой” и “черной”.⁸² В основе классификации – отношение общественного мнения в целом и элиты, в частности. А. Дж. Хайденхаймер отнес к “белой” коррупции те деяния, которые не воспринимаются ни общественным мнением, ни элитами в качестве незаконной, хотя формально они таковыми являются. По мнению исследователя, это говорит о том, что данная форма коррупции стала частью национальной культуры (обычаем, нормой). К “черной” коррупции относятся деяния, в отношении которых наличествует единодушное осуждение. Наконец, к “серой” коррупции он относит те действия, относительно которых нет единодушного мнения.

Точно также существует целая палитра суждений по поводу последствий коррупции, ее влияния на различные сферы общественной жизни.

В поле зрения исследователей прежде всего попадает воздействие коррупции на экономический рост и развитие. Многими признается функциональность коррупции в плане ускорения принятия решений, оживления экономической деятельности и предпринимательства в странах, страдающих от излишнего государственного вмешательства. Мы уже приводили суждения по этому поводу известных авторов.

---

⁸⁰ Мени И. Коррупция на рубеже веков: эволюция, кризис и сдвиг в ценностных представлениях // Международный журнал социальных наук. 1997. №16. С. 8

⁸¹ Там же. С. 11

⁸² См.: Heidenheimer, Arnold J., Michael Johnston, and Victor T. Le Vine (eds.) Political Corruption: A Handbook. New Brunswick, NJ: Transaction Books. 1989.

Автор наиболее часто цитируемой по этому вопросу статьи Н. Лефф⁸³ считал, что коррупция в форме взяток позволяет преодолеть многочисленные жесткие правила, устанавливаемые властями развивающихся стран. И хотя взятка идет в карман чиновнику, а не государству (это – негативная сторона), но эффективность распределения ресурсов при этом повышается.

Споры вокруг характера воздействия коррупции на экономику продолжаются. Нередко сторонники положительного воздействия ссылаются на опыт стран Юго-Восточной Азии в период с 1965 г., демонстрировавших значительный рост и одновременно высокий уровень коррупции. Однако экономический рост являлся результатом целого набора факторов и влияние коррупции неясно. Можно предположить, что главное – это насколько экономика эффективна изначально. Если изначально она не эффективна, то коррупция может стимулировать более эффективное поведение и рост. В случае же, если экономика достаточно эффективна, то коррупция может внести искажения в ориентиры роста, что в свою очередь негативно скажется на экономике.⁸⁴

Если для отдельного субъекта (клиента) возможно достижение определенных целей при использовании коррупции как инструмента в конкурентной борьбе, то с позиции страны в целом коррупция означает ограничение конкуренции, недобор налогов, рост теневого сектора экономики и сокращение инвестиций. Наконец, нельзя не упомянуть и то, что коррупция усугубляет неуверенность и неопределенность экономической среды в результате кумулятивного эффекта искажения ориентиров экономического роста, создаваемого множеством отдельных ее актов.

При оценке последствий коррупции необходимо иметь в виду особенности правящего режима: степень политической централизации и демократической прозрачности, а также характер его взаимодействия с институциональными структурами, через которые осуществляется политический контроль и влияние. Политические структуры, в которых слаба или отсутствует вовсе деятельность представительных институтов, могущих призвать к ответственности правительство, создают большие возможности для коррупции ввиду того, что в них нет политических

---

⁸³ См. Leff, Nataniel H. Economic Development Through Bureaucratic Corruption // The American Behavioral Scientist. 1964. Vol. VIII. P. 8 - 14

⁸⁴ Goudie, A.W. & Stasavage D. A framework for the analysis of corruption // Crime, Law & Social Change. Vol. 29, № 2 – 3. P. 139.

механизмов, посредством коих может быть смещено правительство, потакающее коррупции или непосредственно в ней замешанное.⁸⁵ Опасность коррупции коренится в политическом влиянии, которое могут оказывать политики и правительственные чиновники на бюрократические институты, судебную и правоохранительную систему. Отсутствие ясных правил, ограничивающих политическое влияние на бюрократические институты, а также недостаточное разделение власти между правящим режимом и судебной системой могут способствовать расцвету коррупции. Развивающееся гражданское общество и СМИ способны играть мониторинговую роль в отношении коррупции, проводя собственные расследования фактов коррупции и публикуя соответствующую информацию. Однако, возможности СМИ и институтов гражданского общества существенно ограничены в условиях автократических политических режимов не только ввиду наличия различного рода ограничений свободы слова и печати, но и из-за собственной слабости. Тем не менее, при совпадении интересов политического и судебного истеблишмента, гражданское общество и СМИ могут оказаться теми немногими каналами, посредством которых можно как-то уменьшить коррупцию.⁸⁶

Весьма важную роль в ограничении коррупции, ее негативного влияния на общество имеет степень организованности коррупции, ее предсказуемость. Сотрудничество бюрократических структур (и политиков) в установлении размеров взяток и выполнении обязательств коррупционерами могут существенно ослабить ее отрицательное воздействие. Примером сотрудничества во взяточничестве иногда приводят СССР, где различные бюрократии кооперировались в определении размера взяток, а КГБ отслеживал возможные отклонения.⁸⁷

Наконец, коррупция, а точнее, возможность получения больших взяток может служить серьезным стимулом к завоеванию или удержанию политической власти и влияния, как для правящих элитных групп, так и для оппозиции. Следовательно, может служить фактором обострения отношений между элитными группами, а также вести к политической дестабилизации. Установление власти, мотивированной желанием сохранить привилегии и коррупционные платежи, искажает приоритеты

---

⁸⁵ Ibid., p. 121.

⁸⁶ Ibid., p. 125.

⁸⁷ См. Shleifer A., Vishny R.W. Corruption // The Quarterly Journal of Economics. 1993. Vol. 107. № 3 (August). P. 610-612.

экономической и социальной политики, когда провозглашаемые цели и стратегии развития лишь в малой степени отвечают интересам страны.

Мы начали этот раздел с констатации того, что не существует однозначного взгляда, единой оценки коррупции. Ранее мы отмечали, что интерес в обществе к проблеме коррупции связан с проведением реформ. Большинство упоминавшихся исследователей считают коррупцию источником дезорганизации общества. В то же время лишь немногие обращают внимание на динамику данного социального феномена, учитывают, как коррупция становится проблемой в глазах общества, почему в дальнейшем она выступает объектом политических действий или все заканчивается очередным скандалом.

Г. Блумер утверждал, что социальные проблемы суть продукты процесса коллективного определения, а не набор каких-то объективных социальных условий.⁸⁸ На самом деле, многое указывает на то, что проблема коррупции — это вопрос интерпретации, восприятия реальности, а социологическому узнаванию и признанию явления в качестве социальной проблемы предшествует ее обозначение таковой со стороны общества (общественного мнения).

Новый взгляд на коррупцию связан с концепцией социального конструирования реальности П. Бергера и Т. Лукмана, которые утверждают, что хотя реальность социально определена, само ее определение воплощается в конкретных индивидах и группах, которые творят это определение.⁸⁹ С. Чибнелл и П. Саундерс, применив этот подход к анализу коррупции, идентифицировали ее скорее как классификацию поведения, достигнутого в результате переговоров, нежели качество, внутренне присущее определенному типу поведения. Они продемонстрировали, как интерпретация одного и того же действия может изменяться в зависимости от специфики социального контекста и запаса знаний.⁹⁰

Знание социальных условий может быть использовано не только для того, чтобы объяснить возникновение определенных требований привлечь внимание к каким-то явлениям, но также для того, чтобы объяснить, почему они получают это внимание или даже принимают

---

⁸⁸ Blumer, Herbert. Social Problems as Collective Behavior // Social Problems. 1971, № 18 (Winter), pp. 298-306.

⁸⁹ См.: Бергер Питер, Лукман Томас. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Московский философский фонд, "Academia-Центр", "Медиум", 1995.

⁹⁰ Chibnall, S. and Saunders, P. World Apart: Notes on the Social Reality of Corruption // British Journal of Sociology. 1974, № 28 (June), pp. 138-154.

форму публичной политики.⁹¹ В таком ключе осуществлено исследование коррупции в Индии В. Паваралой.⁹² Он, в частности, отмечает, что коррупция в Индии выступает полем выяснения отношений элитных групп. Это не столько обсуждение самой коррупции, ее сути и т.д., сколько споры и конфликты вокруг экономических, политических и социальных структур, которые ведут различные элитные группы между собой.

Политическая практика демонстрирует, что обвинения в коррупции обычно исходят от групп, стремящихся к реформам. В развивающихся странах эти элиты презентуют коррупцию как неотъемлемую характеристику прежних политических режимов и общественных систем, которые они стремятся если не разрушить, то, по крайней мере, модернизировать. То есть у этих групп существует прямой интерес в дискредитации прежних режимов при помощи обвинений в коррупции.

Поскольку коррупция все же чаще осуждается обществом, обвинения в коррупции, как правило, служат действенным инструментом манипуляции общественным мнением и инструментом политической борьбы. Откровенные выступления российских политиков дают этому прекрасные подтверждения. “Чемоданы компромата” Руцкого, обвинения Президента и его окружения со стороны оппозиционных групп, взаимные обвинения олигархов, заполнившие СМИ и т.д.

Сказанное не означает что такого рода обвинения, по определению, ложны. Более того, правящие элиты нередко оказываются вовлечены в коррупцию вследствие поиска возможностей, способов расширения потока благ, притекающих по официальным каналам.⁹³ Как указывала Е. Этциони-Халеви, элиты – это те, кто охраняют демократию, но они также являются теми, кто при определенных обстоятельствах увеличивают свою силу посредством коррупции правил и процедур демократии.⁹⁴

Наконец, напомним, что коррупция также является инструментом, способным обеспечить вертикальную (направленную вверх) мобильность тем социальным группам, точнее, ее представителям, для которых закрыты иные возможности. Если ранее мы говорили об этом, ссылаясь на Мертсона, о значении этого канала для этнических групп, то теперь к

---

⁹¹ Best, Joel. *Images of Issues: Typifying Contemporary Social Problems*. New York: Aldine de Gruyter. 1989.

⁹² Pavarala, V. *Interpreting corruption: elite perspectives in India*. New Delhi etc.: Sage Publications. 1996.

⁹³ Alam, Shahid M. *Anatomy of Corruption. An Approach to the Political Economy of Underdevelopment* // *American Journal of Economics and Sociology*. 1989. Vol. 48, № 4 (October), pp. 441-456.

⁹⁴ Etzioni-Halevy, Eva. *Bureaucracy and Democracy: A Political Dilemma*. London: Routledge and Kegan Paul. 1985.

ним необходимо добавить преступные сообщества. Российская избирательная кампания 1999 года дает тому немало примеров.

В заключение отметим, что перспективы России в ограничении коррупции, точнее, сведении ее до приемлемого уровня следует связывать с существенным улучшением правовой базы взаимодействия государства (его представителей) с обществом, а не с ловлей отдельных мошенников и казнокрадов. Последнее очень важно, особенно в плане укоренения в жизни граждан уважения к закону и привычки жить в соответствии с законом, но недостаточно, если не будут существенно ограничены и точно описаны процедуры взаимоотношений сторон. Однако пессимизм внушает неспешное формирование институтов гражданского общества, без которых общество неизбежно скатывается к административно-силовым способам решения проблем коррупции.